

СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И НОВГОРОДСКИЕ АРХИЕРЕИ ЕГО ВРЕМЕНИ

Прот. Святослав Худовеков

Кандидат богословия;

Смоленская православная гимназия (Россия)

a.ja.189@mail.ru

DOI: 10.55398/27826066_2022_1_119

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения княжеской и церковной власти в Новгороде в период правления св. Александра Невского. Драматические обстоятельства жизни Руси привели обе стороны к сотрудничеству, которое стало началом возвышения новгородских архиепископов во внутренней структуре политической системы Великого Новгорода. Отмечается важность пастырской позиции архиепископов, сознававших свою ответственность за судьбу города.

Ключевые слова: св. Александр Невский, Новгород, Новгородский архиепископ, история Церкви.

Для цитирования: Худовеков Святослав, прот. Св. Александр Невский и новгородские архиереи его времени // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022. № 1. С. 119–128.
DOI: 10.55398/27826066_2022_1_119

ST. ALEXANDER NEVSKY AND NOVGOROD ARCHBISHOPS OF HIS TIME

Archpriest Svyatoslav Khudovikov

PhD in Theology

Smolensk Orthodox Gymnasium (Russia)

a.ja.189@mail.ru

DOI: 10.55398/27826066_2022_1_119

Abstract. The article deals with the relationship between the secular and the ecclesiastical authorities in Novgorod during the reign of Alexander Nevsky. Dramatic circumstances of the life of Russia led both parties to cooperation, which was the beginning of the elevation of Novgorod Archbishops in the internal structure of the political system of Veliky Novgorod. The author notes the importance of the pastoral position of the archbishops, who were aware of their responsibility for the fate of the city.

Keywords: Alexander Nevsky, Novgorod, Novgorod archbishop, church history.

For citation: Khudovekov Svyatoslav, archpr. Alexander Nevsky and Novgorod Archbishops of his Time // Sretensky Word. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022. No 1. Pp. 119–128. DOI: 10.55398/27826066_2022_1_119

XIII в. занимает свое особое место в истории взаимоотношений церковной и княжеской власти в Великом Новгороде. Несмотря на то что новгородский архиепископ оказывается как бы в тени решительных, хотя и не всегда последовательных действий новгородского боярства, при которых одни князья высылаются, другие принимаются, а спустя время возвращаются первые, мы можем не сомневаться, что церковная власть всегда оказывается как минимум в курсе происходящего. Да, мы не видим в передаче летописца каких-либо ярких действий новгородских архиереев против того или иного князя, но, с другой стороны, не видим и обличений или прещений, обычных для церковной власти в том случае, когда происходящее ее не устраивает.

Причиной этого «молчания», как уже неоднократно отмечалось исследователями, является связь новгородского архиерея с правящим слоем новгородского боярства (один из современных авторов справедливо замечает, что за всю историю Великого Новгорода мы не имеем примеров тому, чтобы действия новгородских архиереев в чем-то противоречили интересам новгородского боярства [Янин 1977: 228–229]). Реальная действительность воспроизводится в несколько размытой картине, поскольку она дополняется субъективными факторами переписчиков. Мы не можем не учитывать пастырскую сторону вопроса, при которой новгородское общество рассматривается главой местной церкви как несовершенная христианская ячейка Церкви Христовой, требующая со стороны духовенства наставляющих пастырских усилий, результаты которых находятся во вза-

имосвязи с успехами или неудачами внешнего развития новгородской государственности. Таким образом, было бы большой ошибкой воспринимать деятельность архiereя в контексте лишь социальных функций, что было модно для историков советского времени, не видевших в церковной организации вообще никакого иного смысла, кроме пресловутого подавления низших слоев общества и защиты интересов высших.

Пастырская же сторона вопроса в свою очередь может включать в себя различные топосы как ветхозаветного, так и византийского происхождения. В качестве примера первых можно упомянуть ветхозаветных пророков в роли пастырей Израиля, радеющих более об внутреннем состоянии, чем о внешних доходах, воспринимающих внешнее унижение от иноплемеников как часть судеб Божиих в отношении избранного народа. В качестве примера византийского топоса отметим важную для нашей темы связь деятельности пастыря с функционированием христианского государства, олицетворением которого выступает властитель-император. Эта связь прослеживается в богослужебных текстах, присутствует в агиографической традиции. В условиях русской действительности место императора как носителя государственности занимает великий князь. Обратим внимание на то, что оба топоса уводят нас довольно далеко от стандартного представления о новгородском архiereе как «церковном новгородском боярине»: первый делает возможным противостояние собственной пастве, второй актуализирует роль великого князя и его значение, что, казалось бы, противоречит республиканским тенденциям.

С другой стороны, новгородская церковная администрация в XIII в. находится еще в середине того пути, который от епископов, поставляемых киевскими князьями из числа киевских же монахов, через процедуру выборности (как в церковном законодательстве Юстиниана, так и на примере соседней Швеции, где в середине XII в. четко прослеживается выборность кандидатов на посвящение в епископы, а возможно, и на местные традиции авторитетного вечевого избрания) привел новгородского архиепископа к функции неофициального правителя Новгорода, реализованной в конце XIV — начале XV в. и оставшейся таковой до заката новгородской государственности.

В случаях с великими князьями мы чаще всего видим новгородских архiereев в роли примирителя, особенно при поездках в Северо-Восточную Русь, во главе новгородской делегации либо же в торжественной

роли благословляющего перед началом военных действий, от хода которых могла зависеть судьба Великого Новгорода.

За все время пребывания Александра Ярославича в Новгороде ему пришлось иметь дело всего с двумя новгородскими архиереями, каждый из которых правил долго и олицетворял собой целую эпоху. Первый из них — святитель Спиридон (годы правления 1230–1249), по сообщениям летописи, «из числа иеродиаконов Юрьевского монастыря» [Новгородская первая летопись 1950: 274–275], был избран на вече в 1229 г. при участии его основного противника — отца Александра Невского, черниговского князя Михаила Всеволодовича, и в 1230 г. посвящен в сан митрополитом Кириллом в Киеве. Поскольку при избрании архиерея формируется также его ближайшее окружение, можно предположить, что оно состояло из ситуационных противников Мономашичей. На начало его правления пришелся великий голод и мор в Новгороде, последствия которых оказывали влияние на городскую жизнь в течение нескольких лет. Окончилось правление святителя Спиридона (само имя которого предполагает коннотацию со святым Спиридоном Тримифунтским и особое внимание к пастырству) уже в другую эпоху, когда ушли из жизни почти все князья «домонгольской» Руси (Ярослав и Михаил — в 1246 г., Святослав Всеволодович скончается чуть позже, в 1252 г.), лежал в руинах Киев и завершился киевский период русской истории. К моменту кончины святителя Александр Ярославич был уже великим князем Киевским и всея Руси, хотя и не обладавшим полнотой возможностей из-за ордынского назначения Андрея Ярославича, брата Александра, князем Владимирской земли. Вплоть до событий Неврюевой рати в 1252 г. центром деятельности Александра остается Великий Новгород.

Можно без особенного преувеличения предположить, что переживание голода и мора, сопровождавшееся коллапсом местной власти, разгулом «лихих людей», разбоем и бесчинствами, ежедневным зрелищем мертвых тел, лежащих по центральным улицам, на торге и на великом мосту, никем не погребаемых, — все эти картины должны были оказать сильное влияние на настроение и саму деятельность владыки Спиридона. Летописец упоминает организацию им скудельниц, т. е. мест погребения христиан, умерших без должного христианского приуготовления [Новгородская первая летопись 1950: 277]. Скудельница, как мы видим из летописи, находилась на Прусской улице, месте сосредоточения одного из

«центров власти» тогдашнего новгородского боярства, которое, по-видимому, значительно пострадало от эпидемии.

Этот же пастырский подход побуждал святителя воспринимать город со всеми его партиями и различными политическими предпочтениями как некое целое, вследствие чего неудивительно соработничество архiereя с вновь пришедшими в Новгород Мономашичами (1231). В 1234 г. он оплакивает кончину Феодора Ярославича и погребает его в Юрьевом монастыре, спустя десять лет (1244) участвует в погребении его матери, жившей в Новгороде с сыновьями и принявшей постриг здесь же. У нас нет никаких сведений о возможных конфликтах в отношениях между святителем Спиридоном и Ярославичами, сторонники которых возобладали в Новгороде. Архиепископ благословляет Александра Ярославича перед Невской битвой (1240) и походом на немцев, захвативших Псков (1242). Не случайно он же возглавляет делегацию новгородцев, дважды приезжавших во Владимирскую землю с просьбой к Александру Ярославичу вернуться в Великий Новгород.

Оставляя в стороне причины, побудившие новгородцев вскоре после Невской битвы изгнать Александра Ярославича из города, отметим, что до 1246 г., т. е. до кончины великого князя Ярослава Всеволодовича, действия Александра в Новгороде не могли быть самостоятельными, но находились в русле великокняжеской политики его отца.

Последние годы жизни святителя Спиридона не упомянуты в летописи за исключением записи о его кончине, но можно предположить, что с усилением личной власти Александра Ярославича и его успешных действий по защите Новгорода от литвы и других врагов отношения между князем и святителем оставались на прежнем уровне.

Характеризуя в целом церковную жизнь Великого Новгорода в этот период, можно отметить, что с 1230 г. она протекала на фоне постоянного стресса, вызванного как внешними, так и внутренними причинами. Не случайно за время правления Александра Ярославича новгородцами не было построено ни одного нового храма [Андреев 1989: 88–89]. Очевидно, что все силы были направлены на отражение внешней агрессии (немцы, шведы, емь, литва).

О том, что ситуация начинает меняться к лучшему, свидетельствует сообщение летописи, согласно которому новый архиепископ Новгорода Далмат в 1261 г. покрыл свинцом крышу Софийского собора.

Владыка Далмат, сменивший почившего Спиридона, также правит достаточно долго (1251–1274 гг.; или с 1249-го, если считать с момента избрания), и на годы его правления приходится весь период деятельности Александра Невского как великого князя Киевского и Владимирского, не имеющего теперь уже никаких ограничений (1252–1263), до того самого момента, когда «зашло уже солнце земли Суждальския». При этом можно отметить, что и избрание нового новгородского архиепископа, и его рукоположение совершались под пристальным оком великого князя: рукополагался он не во Владимире, городе, принадлежавшем тогда Андрею Ярославичу, а в самом Новгороде. Можно предполагать, что кандидаты на рукоположение, из которых Далмат был выбран жребием, в той или иной мере контролировались боярской партией, ориентированной на поддержку Александра Ярославича.

Однако дальнейшая деятельность новоизбранного новгородского архиепископа в описании летописца не содержит таких подробностей сотрудничества и взаимной заинтересованности, какими наполнена история взаимоотношений Александра Ярославича и митрополита Кирилла. Более того, в поход на емь, который совершается в 1256 г. через Ижорскую землю, великого князя до определенного момента сопровождает митрополит Кирилл, а о каком-либо участии Новгородского архиепископа в этом походе нам ничего не известно [Новгородская первая летопись 1950: 309]. Являлось ли это признаком холодности между двумя властителями или откровенной вражды между ними? Или же здесь существовала другая, извинительная причина? Ответ на этот вопрос нам неизвестен. Во всяком случае, «рабочие» отношения у князя с новгородским святителем сохранились, и в кризисные моменты 1255 г., когда Александр силой меняет посадников, а также в 1259 г., когда также силой осуществляется перепись новгородцев и учреждается ордынский выход с Новгородской земли, святитель Далмат выступает посредником, смягчая взаимное ожесточение.

Учитывая уже известную нам тенденцию в деятельности новгородских архиереев, можно сказать, что ситуация с владыкой Далматом зеркально повторила предыдущую, в которой находился его предшественник. Один был избран противниками Ярославичей, но логика пастырского служения в Новгороде принудила его к сотрудничеству, а затем и к поддержке этой линии русских князей, поскольку только они могли в создавшейся

сложной ситуации защитить основные интересы Новгорода. Точно так же, несмотря на начальное благоприятное отношение архиепископа Далмата к Александру Невскому (повторимся, в условиях даже личного отсутствия князя, решавшего тогда вопросы своего статуса в Орде, было бы ошибкой предполагать, что в Новгороде у него не оставалось сильной боярской партии поддержки, и другой нюанс: после гибели князя Михаила Черниговского в Орде не было альтернатив), логика архiereйского служения на новгородской кафедре потребовала от него большой самостоятельности и гибкости. Когда в Новгороде верх берет другая партия, она не может найти иных кандидатов в князья, кроме тех же Ярославичей, ориентируясь на сына Александра Невского, Василия Александровича. Нет ничего удивительного, что такие попытки вызывают акцентированно жесткую реакцию со стороны великого князя, угрозы которого ликвидировать самостоятельность Новгорода на этот момент были вполне реальны, и можно только предполагать, как развивались бы события русской истории, ликвидируй Александр новгородское боярское землевладение.

Таким образом, в обоих случаях пастырская позиция новгородских святителей заставила их отражать интересы всего города в совокупности, не разделяя его на партии и примиряя по возможности отдельные вспышки вражды. Именно такая позиция архиепископа оказалась наиболее востребованной и полезной для всех сторон, и именно с этого времени она становится для новгородских архiereев традиционной, а финансовые и организационные возможности новгородской кафедры теперь были в состоянии обеспечить эту примиряющую всех самостоятельность.

Итак, основной наш вывод — это констатация того факта, что в период жизни Александра Ярославича начинает складываться новая модель поведения новгородской церковной власти. Отчасти вследствие необходимости, отчасти из пастырского душепопечения новгородские архиепископы отходят от практики поддержки той или иной стороны в боярской партийной борьбе, и это становится возможным на фоне сильных внешних угроз и мощного давления княжеской власти в лице Александра Невского. Кажущееся слабостью «молчание» новгородских архiereев очень показательно, поскольку в критические для Новгорода моменты эти архiereи всегда оказываются в центре событий, выступая ходатаями перед великим князем или примирителями враждующих

в городе партий. Все это приводит к увеличению значимости новгородской кафедры как общественного института, дает новгородским владыкам большие возможности, которые будут реализованы их преемниками уже в XIV–XV вв.

Эпилогом данной публикации следует замечание, что кризис новгородского общественного устройства, приведший к краху городской независимости, начался с того момента, когда новгородские владыки, заботясь о земных интересах, оставляют пастырское попечение о городе в целом, сами становятся на сторону «великих» бояр против «меньших», и это приводит к естественному росту авторитета у этих самых «меньших» великого московского князя (подробно этот процесс в популярной форме описан Ю. Г. Алексеевым [Алексеев 1991] и достаточно наглядно показана роль новгородского архиепископа в принятии решений к выгоде «литовской» партии) и ко всем последующим событиям 70-х гг. XV в.

Исследуя источники по истории Русской Церкви этого периода, нельзя обойтись без горестных мыслей — уже не о гибели земли Русской, а об утрате множества письменных памятников того времени, важных для понимания полной картины общественных взаимоотношений в Новгороде этого периода. Мировоззрение новгородцев включало в себя и многочисленные поучения духовных наставников киевского периода (прежде всего преподобного Варлаама Хутынского, но также и многих других) — можно не сомневаться, что они ходили по рукам точно так же, как сегодня у верующих популярны книжечки с поучениями Оптиных старцев или недавних Псково-Печерских подвижников. В эту же картину входят многочисленные проповеди и поучения новгородских владык, которые, безусловно, записывались и перечитывались верующими. Сюда же относятся и реалистичные мифологемы в духе византийских рассказов о полете Александра Македонского на грифах и ныне утраченные элементы устного народного творчества и многое другое. Киевская Русь по-прежнему остается для нас *terra incognita*, что, как говорится в известной крылатой фразе о том, что всех книг перечитать невозможно, одного может подвигнуть к еще более усердному чтению, а другого утвердить в мысли, что и вообще ничего читать не нужно. Выбор одной из этих двух возможностей, как водится, зависит от нас самих.

Литература

- Алексеев Ю. Г. К Москве хотим. Закат боярской республики в Новгороде. Санкт-Петербург : Лениздат, 1991. 155 с.
- Андреев В. Ф. К истории церковного строительства в Новгороде XII–XV вв. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 2. Новгород, 1989. С. 87–90.
- Лукин П. В. Новгородское вече. Москва, 2018. 674 с.
- Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. Санкт-Петербург : ИИМК РАН, 2013. 139 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва ; Л., 1950. 659 с.
- Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Санкт-Петербург : СПбДА, 2020. 270 с.
- Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. Санкт-Петербург, 1913. 414 с.
- Халявин Н. В. Проблема становления новгородской архиепископии в трудах отечественных историков // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2016. С. 23–31 (серия «История и филология»).
- Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. Москва, 1980. 223 с.
- Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. Москва : Наука, 1989. 233 с.
- Янин В. Л. Новгородские посадники. Москва, 2017. 511 с.
- Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Москва : Высшая школа, 1977. 240 с.

References

- Alekseev Yu. G. *K Moskve khotim. Zakat boyarskoi respubliki v Novgorode* [We want to Moscow. The sunset of the Boyar Republic in Novgorod]. Saint Petersburg, “Lenizdat” Publ., 1991. 155 p.

- Andreev V. F. [On the history of church construction in Novgorod, XII–XV centuries]. *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya*, 1989, no. 2, pp. 87–90. (In Russ.)
- Khalyavin N. V. [The problem of the formation of the Novgorod Archdiocese in the works of Russian historians]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya*, 2016, pp. 23–31. (In Russ.)
- Khoroshev A. S. *Tserkov' v sotsial'no-politicheskoi sisteme novgorodskoi feodal'noi respubliki* [The Church in the socio-political system of the Novgorod feudal Republic]. Moscow, 1980. 223 p.
- Lukin P. V. *Novgorodskoe veche* [Novgorod veche]. Moscow, 2018. 674 p.
- Musin, A. E. *Zagadki doma Svyatoi Sofii: Tserkov' Velikogo Novgoroda v X–XVI vv.* [The Riddles of the House of St. Sophia: The Church of Veliky Novgorod in the X–XVI centuries]. Saint Petersburg, “IIMK RAN” Publ., 2013. 139 p.
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Novgorod first chronicle of the elder and younger izvodov]. Moscow, Leningrad, 1950. 659 p.
- Paleorossiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Paleorussia. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas]. Saint Petersburg, “SPbDA” Publ., 2020. 270 p.
- Priselkov M. D. *Ocherki po tserkovno-politicheskoi istorii Kievskoi Rusi X–XII vv.* [Essays on the church-political history of Kievan Rus in X–XIII centuries]. Saint Petersburg, 1913. 414 p.
- Shchapov Ya. N. *Gosudarstvo i tserkov' Drevnei Rusi X–XIII vv.* [The state and the Church of Ancient Russia of the X–XIII centuries]. Moscow, “Nauka” Publ., 1989. 233 p.
- Yanin V. L. *Novgorodskie posadniki* [Novgorod posadniki]. Moscow, 2017. 511 p.
- Yanin V. L. *Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniya* [Essays of complex source studies. Moscow: Higher School]. Moscow, “Vysshaya shkola” Publ., 1977. 240 p.